

напитки в гроздьях винограда Она — «дщерь небесная» и «мать всех времен» Ее образ у Хераскова созвучен образу «Матери-природы» в «Опытах» Монтеня «Любезный сын природы» — человек — сотворен для ее утешения («Сельская муза», с 401–407) Но люди мешают существовать Природе в ее стройном порядке, они злодействуют друг другу Произошла подмена ценностей Человек создал себе нового идола Золото, этот «тленный бог земного круга / Дорожке стал отца и друга» («Несогласие», с 382) Бог видит это и готов снова «потопом шар земной покрыть», но, жалея красоты природы, удерживается от этого шага В наказание людям он посылает голод, беды, скорбь («Родство», с 340)

Утверждая, что люди «далеко удалились» от природы и лишили свою жизнь духовного содержания, Херасков использует библейскую метафору жизнь есть сон Люди «заснули во тьме на лоне суеты» и их сон может стать вечным сном Поэт призывает «Проснися, человек! Натуры чадо ты» («Сельская муза», с 412) Природа, по мнению Хераскова, дает человеку возможность забыть о суете, погрузиться в самого себя

Проснися, прах земной! Проснися,
Войди в себя ты, оглянися
И бедственной к себе любви
Дерзай, завесу разорви

(«Суета», с 319)

Читая «вечную книгу Природы» и видя ее «премудрость», человек должен стремиться «познать и чувствовать себя» («Чтение», с 391) В 1780-е годы эти мысли были сформулированы в «Теоретическом градусе Соломоновых наук» — сочинении, предназначенном для орденских занятий масонов «Тот есть философ, < > который всеми образы старается Бога, своего Творца, себя самого и натуру познавать и ея столь различные действия испытывать»²⁸

Воображение уносит Хераскова за пределы видимого мира и дает пищу для раздумий о месте человека в нем

Я некогда в зеленом поле
Под тению древес лежал
И мира суетность по воле
Во смутных мыслях вображал,
О жизни я помыслил тленной
И что мы значим во Вселенной

(«Ничтожность», с 386)

Херасков сравнивает несоизмеримые величины На фоне бесконечной Вселенной даже Земля мала, «как капля в океане вечном, / как бранный лист в густых лесах» В этих масштабах человек ничтожен, ведь «в мире сем его не видно» (с 387) «На что же все мы сотворенны, / когда не значим ничего?» — задается вопросом Херасков И вынужден признать, что не знает ответа «Такие тайны сокровенны / от разсужденья моего» (с 388)

²⁸ Семка А В Русское масонство в XVIII веке С 162